

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСЫ

УДК 339.5+339.9
JEL F13+O52

Новая парадигма в формировании торговой политики Европейского союза

А. И. Мочалова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Мочалова, А. И. (2024) 'Новая парадигма в формировании торговой политики Европейского союза', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40 (4), с. 528–550. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.401>

В статье рассмотрены практические изменения в подходах Европейского союза к разработке курса торговой политики в период с 2004 по 2024 г. и сформулирована гипотеза о произошедшей смене парадигмы в формировании внешнеэкономической политики блока. Тестирование данной гипотезы осуществляется на основе выдвинутых Я. Орби и Ф. де Вилем четырех критериев для установления факта парадигматической трансформации: 1) возникновение глобального события, которое становится катализатором изменений; 2) делегитимизация существующей парадигмы со стороны официальных лиц государства; 3) наличие альтернативной концепции; 4) ее поддержка со стороны влиятельных кругов, которые имеют возможность внедрить новый подход в центр решений правительства. На основе проведенного анализа сделан вывод о произошедшей смене парадигмы с нелиберальной экономической, преобладавшей во внешнеэкономическом курсе ЕС в начале 2000-х годов, в пользу концепции стратегической автономии, формализованной новой главой Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен в 2019 г. В качестве основной предпосылки такой трансформации автором выявлено продолжительное отсутствие положительной динамики в развитии международной конкурентоспособности блока относительно двух ключевых торговых партнеров Евросоюза — США и КНР. Обозначена общая тенденция к активизации продвижения новой концепции официальными лицами ЕС после 2019 г. и после начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. В заключение определены направления будущих исследований, включая изучение влияния парадигмы стратегической автономии ЕС на международные торговые процессы и развитие многостороннего регулирования

торговли, в целях обеспечения более эффективного реагирования России на происходящие изменения.

Ключевые слова: Европейский союз, внешнеэкономическая деятельность, торговая политика, международная конкурентоспособность, стратегическая автономия, протекционизм.

Введение

Внешнеэкономический курс Европейского союза (ЕС, Евросоюз) давно стал объектом исследовательского интереса ввиду своей способности оказывать существенное влияние на глобальные экономические процессы (Young and Peterson, 2014). Торговая политика является неотъемлемой частью общеэкономической стратегии блока (Исаченко, 2010), а в соответствии со ст. 207 Договора о функционировании ЕС¹ за ее разработку и внедрение отвечает Европейская комиссия (Еврокомиссия, Комиссия). В целом ряде публикаций отечественных и зарубежных исследователей обращено внимание на высокую степень преемственности в торговой политике ЕС и отсутствие кардинальных изменений с начала 2000-х годов в подходах Еврокомиссии к формированию внешнеэкономической политики. Так, некоторые эксперты отмечают, что «речь скорее идет о корректировке традиционного подхода ЕС к глобальному экономическому управлению, чем о его радикальной смене» (Сергеев и Воротников, 2023, с. 27) и что торговая политика ЕС не стала чрезмерно протекционистской либо политизированной (Энтина и Давранова, 2022). Отдельные авторы утверждают, что изменения в европейском внешнеэкономическом курсе можно описать как «переориентацию в сторону более геополитической торговой политики», а не кардинальную парадигматическую трансформацию (Schmucker and Kober, 2023).

Представляется, что подобная точка зрения не соответствует действительности. В связи с этим автор статьи формулирует гипотезу о произошедшей в Европейском союзе смене парадигмы в формировании торговой политики. Тестирование данной гипотезы осуществляется на основе выдвинутых Я. Орби и Ф. де Вилем критериев для установления факта парадигматической трансформации (Orbie and De Ville, 2011, р. 5)². Первый критерий — возникновение глобального события, такого как мировой экономической либо геополитический кризис, которое становится катализатором изменений.

Стоит отметить, что фактор международной конкурентоспособности всегда имел ключевое влияние на развитие европейского внешнеэкономического курса. Уже в 2000 г. была принята Лиссабонская стратегия, направленная на преобразование ЕС в течение десяти лет в «наиболее конкурентоспособную, динамичную

¹ Договор о функционировании Европейского союза. Часть пятая. Раздел II. Общая торговая политика. Ст. 207 (бывшая ст. 188 С). URL: <https://base.garant.ru/2566558/e4228a58ee428efc683b7a6fe69786e4/> (дата обращения: 11.11.2024).

² В своем анализе Орби и де Виль отталкивались от теории трех «уровней изменений в политике» П. Холла, согласно которой «смена парадигмы» подразумевает эволюцию «системы идей и стандартов, которая определяет цели политики и виды инструментов, которые могут быть использованы для их достижения, а также саму природу проблем, которые они призваны решать» (Hall, 1993, р. 279).

и основанную на знаниях» глобальную экономику³. Данная задача также нашла отражение в стратегии «Европа 2020», утвержденной в июне 2010 г.⁴ Так, ухудшение конкурентных позиций либо неспособность наравне конкурировать с крупнейшим экономическими державами, такими как США и КНР, могут служить триггерами происходящей смены подхода к формированию курса торговой политики.

Второй критерий, выявленный Орби и де Вилем, — делегитимизация существующей парадигмы со стороны официальных лиц государства, что, как правило, выражается в изменении риторики относительно национальных целей и приоритетов. Третий — наличие альтернативной концепции; четвертый — ее поддержка со стороны влиятельных кругов, которые имеют возможность внедрить новый подход в центр решений правительства. При этом в большинстве случаев такие процессы тесно связаны со сменой власти в стране (Carson, Burns and Calvo, 2009, p. 25).

Таким образом, автором статьи высказана гипотеза о переходе Европейского союза к новой парадигме в формировании торговой политики. Рассматривается период с 2004 г. (когда масштабное расширение блока⁵ и относительно стабильная ситуация в глобальной экономике способствовали укреплению позиций ЕС в качестве крупнейшего и наиболее успешного интеграционного объединения, а также одного из сильнейших игроков на мировой арене) и по настоящее время. Тестирование данной гипотезы осуществляется на основе концепции Орби и де Вилия, в связи с чем статья структурирована в соответствии с четырьмя критериями парадигматической трансформации, выявленными экспертами. Каждому критерию посвящен отдельный раздел.

В разделе 1 определен катализатор в виде отсутствия положительной динамики в развитии международной конкурентоспособности блока по отношению к США и КНР. В настоящий момент в научной литературе отсутствует всестороннее исследование влияния фактора международной конкурентоспособности на смену парадигмы в формировании торговой политики страны.

В разделе 2 выявлен факт делегитимизации подхода, преобладавшего в формировании внешнеэкономического курса ЕС с начала 2000-х годов, новой геополитической⁶ Еврокомиссией Урсулы фон дер Ляйен.

В разделе 3 подтверждено наличие альтернативной «системы идей и стандартов» — концепции стратегической автономии.

В разделе 4 исследована динамика продвижения новой парадигмы, в том числе в сфере международных торговых отношений ЕС с третьими странами, со стороны официальных лиц Евросоюза в период с 2019 г. и по настоящее время. Отдельное внимание уделяется изучению влияния специальной военной операции на Укра-

³ European Parliament. *Lisbon European Council 23 and 24 March 2000. Presidency Conclusions*. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm#a (дата обращения: 24.04.2024).

⁴ European Commission. (2020) *Communication from the Commission. Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth*. COM (2010) 2020 final, 2010. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:en:PDF> (дата обращения: 24.04.2024).

⁵ С 1 мая 2004 г. в состав ЕС вступило десять новых стран: Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Мальта и Кипр.

⁶ В 2019 г., после избрания на пост главы Европейской комиссии, Урсула фон дер Ляйен объявила, что ее Еврокомиссия станет первой геополитической Комиссией со времен образования ЕС.

ине (СВО) на развитие и укрепление нового подхода Евросоюза к формированию внешнеэкономического курса.

В заключение сформулированы основные выводы, подтверждающие обоснованность выдвинутой гипотезы, и определены направления будущих исследований.

1. Отсутствие положительной динамики в развитии международной конкурентоспособности ЕС по отношению к США и КНР

Международная конкурентоспособность является одним из показателей экономического развития страны, определяющим, насколько эффективно ее экономика способна оперировать на мировых рынках, удерживать позиции и расширять сферы деятельности за пределами своих границ. Конкурентоспособность отражает технический и экономический уровень национального производства, качество производимых товаров и их соответствие мировым стандартам, развитость инфраструктуры, наличие абсолютных и относительных преимуществ (Гордеев и Шкиотов, 2009). На сегодняшний день единого общепринятого определения конкурентоспособности не существует. Анализируя ключевые интерпретации, литовские эксперты представили следующее описание данного феномена: способность страны создавать высокий уровень благосостояния граждан благодаря продвижению своего экономического развития и научно-технического прогресса (Ginevičius et al., 2023, p. 38). Международный институт развития менеджмента (IMD), специализирующийся на изучении конкурентоспособности государств в глобальной экономике, предлагает более детальное определение данного термина: «способность стран создавать и поддерживать такую среду, которая бы обеспечивала устойчивое создание стоимости компаниями и увеличение благосостояния граждан» (Чудаев, 2009, с. 20). Несмотря на то что существует еще много разных трактовок, в рамках данной статьи автор использует определение, предложенное IMD, так как оно не только подчеркивает способность страны создавать благоприятную среду для «увеличения благосостояния граждан», но и акцентирует внимание на создании необходимых условий для ведения бизнеса и построения устойчивых цепочек добавленной стоимости, что особенно важно с точки зрения анализа конкурентоспособности как глобального явления.

Вопрос конкурентного потенциала Евросоюза на мировой арене традиционно привлекает особое внимание как научного и делового сообществ, так и международных средств массовой информации. По мнению экспертов Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России, «в последние годы наблюдается медленное, но неуклонное сокращение конкурентоспособности ЕС в наиболее важных современных отраслях», что ведет к постепенному уменьшению значения блока в мировой экономике⁷ (Сергеев и Воротников, 2023). В соответствии с докладом Европейского круглого стола промышленников⁸ за 2024 г. промышленность ЕС

⁷ Имеется в виду в первую очередь уменьшение международной конкурентоспособности ЕС в технологических секторах, включая, например, производство полупроводников и ИКТ-продукции (Сергеев и Воротников, 2023, с. 7).

⁸ European Round Table for Industry (ERT) — группа руководителей и председателей крупнейших европейских промышленных и технологических компаний, объединенных одной целью — «повысить конкурентоспособность Европы». На настоящий момент группа состоит из 59 членов, пред-

стабильно теряет позиции на мировых рынках и уступает по соответствующим показателям США и КНР, которые также опережают Евросоюз с точки зрения совокупной выручки своих крупнейших компаний на мировом уровне, в то время как доля европейских компаний в рейтинге Fortune Global 500⁹ значительно сократилась в период с 2005 по 2023 г.¹⁰

Наличие такой проблемы признают и сами лидеры стран — членов Евросоюза, призывая заключить новую европейскую «сделку» по вопросам конкурентоспособности, направленную на укрепление экономической, промышленной и технологической базы Европы, тем самым обеспечивая экономическую устойчивость, промышленное обновление, глобальное технологическое лидерство и привлекательность ЕС для международного бизнеса¹¹. Данный вопрос стал ключевой темой состоявшегося в конце апреля 2024 г. саммита ЕС. В письме-приглашении европейским лидерам председатель Евросовета Шарль Мишель отметил первостепенную необходимость «коллективно преодолеть разрыв в экономическом росте и инновациях по сравнению с нашими глобальными партнерами»¹².

Неспособность Евросоюза «на равных» конкурировать с такими экономическими тяжеловесами, как США и КНР, вполне могла служить катализатором смены парадигмы в формировании внешнеэкономического курса блока. Предложенная гипотеза, однако, требует более комплексного исследования. С этой целью в статье далее продемонстрирована динамика развития международной конкурентоспособности Европейского союза на примере трех государств-основателей: Германии, Франции и Италии. На указанные страны приходится более половины совокупного валового внутреннего продукта (ВВП) Евросоюза, который, по данным Международного валютного фонда (МВФ), по состоянию на апрель 2024 г. достиг отметки в 18,98 трлн долл. США¹³. В то же время по оценкам МВФ ВВП Германии зафиксирован на уровне 4,59 трлн долл. США, Франции — 3,13 трлн долл. США, Италии — 2,33 трлн долл. США¹⁴. Для целей настоящего исследования предполагается, что

ставляющих более чем 50 компаний из 18 стран, включая Airbus, BMW Group, BASF SE, Heineken, Inditex, Mercedes-Benz Group AG, L'Oréal, Michelin, Nestle, Shell, Siemens, TotalEnergies, Unilever и др.; *European Round Table for Industry*. URL: <https://ert.eu> (дата обращения: 09.05.2024).

⁹ Fortune Global 500 — рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит выручка компании за прошедший финансовый год; *Fortune Global 500*. URL: <https://fortune.com/ranking/global500/> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁰ ERT. (2024) *Rebuilding Europe's business case, working against the clock. Competitiveness and industry benchmarking report 2024*. URL: <https://ert.eu/wp-content/uploads/2024/03/ERT-Competitiveness-and-Industry-Benchmarking-Report-2024.pdf> (дата обращения: 09.05.2024).

¹¹ Вопрос заключения нового соглашения по конкурентоспособности (European Competitiveness Deal) обсуждался в конце апреля 2024 г. на встрече лидеров стран — членов ЕС; European Council. (2024) *European Council conclusions 17 and 18 April 2024, EUCO 12/24 CO EUR 10 CONCL 3*, p. 6. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/m5jlwe0p/euco-conclusions-20240417-18-en.pdf> (дата обращения: 24.04.2024).

¹² Имеются в виду США и КНР; European Council. (2024) *Invitation letter by President Charles Michel to the members of the European Council*. April 16. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/04/16/invitation-letter-by-president-charles-michel-to-the-members-of-the-european-council/> (дата обращения: 24.04.2024).

¹³ IMF. (2024) *European Union: Datasets, World economic outlook*. April. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/EU> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁴ IMF. (2024) *Map 2024: GDP, current prices*. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGD-DPD@WEO/EU> (дата обращения: 09.05.2024).

показатели указанных экономик, так же как и их динамика, отражают основные тенденции развития глобального потенциала ЕС.

Одним из способов оценивания конкурентоспособности страны является составление рейтингов по результатам анализа данного показателя. Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ), индекс IMD и индекс национальной конкурентоспособности, разработанный Институтом исследований промышленной политики совместно с Институтом политики и стратегии национальной конкурентоспособности (IPS), являются наиболее известными и широко используемыми мировыми рейтингами в данной сфере.

Методика, применяемая при формировании индекса ВЭФ, основана на анализе общедоступных статистических данных. При этом особое внимание уделяется результатам глобального опроса руководителей крупных компаний. Рейтинги ВЭФ выпускались до 2019 г. включительно. Индекс составлялся из 113 переменных, объединенных в 12 контрольных показателей: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье, начальное образование, высшее образование, профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка и инновационный потенциал. Одной из слабых сторон рейтинга ВЭФ считается ограниченность в методологии и критериях оценки. Так, некоторые эксперты отмечают, что «периодическая перегруппировка составляющих агрегатных показателей (индексов) затрудняет проведение объективного сравнения конкурентоспособности стран в динамике» (Тихонова, Монин и Данилов, 2019, с. 100).

По аналогии с рейтингом ВЭФ методология IMD также основана на изучении общедоступной статистики из международных, региональных и национальных источников, а также результатов опроса экспертов и руководителей компаний (International Panel of Experts Executives Opinion Survey)¹⁵. Каждая страна оценивается по четырем группам показателей¹⁶, содержащих 336 критериев, многие из которых также используются при составлении рейтинга ВЭФ. Однако в отличие от ВЭФ рейтинг IMD «в большей степени опирается на статистические данные, характеризующие различные аспекты состояния экономики, нежели на данные опросов» (Чудаев, 2009, с. 20).

В свою очередь, подход в основе индекса IPS отличается от методик ВЭФ и IMD за счет более широкого охвата, включающего внутренний и международный контекст, а также физические и человеческие факторы национальной конкурентоспособности страны¹⁷. Данный рейтинг оценивает не только экономические аспекты, касающиеся работы компаний и различных отраслей, макроэкономическую стратегию государства и инвестиционный климат, но и другие «более широкие вопросы, выходящие за пределы национального ромба конкурентоспособности» (Мезинова, 2018). По мнению одного из разработчиков методики IPS, она является наиболее объективной и достоверной, так как более полноценно «учитывает ин-

¹⁵ IMD. (2023) *Methodology in a Nutshell*. URL: <https://imd.widen.net/view/pdf/gr3qyxjkbw/Methodology-In-A-Nutshell-2023.pdf> (дата обращения: 24.04.2024).

¹⁶ Экономические показатели, эффективность правительства, эффективность бизнеса и инфраструктура.

¹⁷ IPSNC. *Our Approach*. URL: <https://www.ipsncr.org/our-approach> (дата обращения: 24.04.2024).

дивидуальные особенности развитых и развивающихся, а также больших и малых экономик»¹⁸.

Представленные рейтинги отражают различные аспекты конкурентоспособности и разрабатываются с учетом разных методологий. В связи с этим целесообразно проанализировать ситуацию с применением каждого из них. В случае выявления общих тенденций можно будет сделать вывод об объективности полученных результатов. Далее представлен обзор изменений в позициях Германии, Франции и Италии в указанных международных рейтингах с 2004 по 2019 г., когда Еврокомиссию возглавила Урсула фон дер Ляйен (см. рис. 1–3). Временной отрезок ограничен 2019 г. ввиду необходимости демонстрации фактора конкурентоспособности в качестве предпосылки, так называемого катализатора принятия Еврокомиссией решения о формализации новой парадигмы в формировании торговой политики. Показатели европейских государств противопоставляются соответствующим позициям двух крупнейших экономик мира — США и КНР. Контрольными точками являются четыре основных временных интервала, позволяющих оценить европейские конкурентные показатели в динамике, принимая во внимание их устойчивость к глобальным экономическим вызовам (в графиках могут содержаться незначительные различия с точки зрения указанных временных промежутков в зависимости от доступности данных по трем мировым индексам):

1. **2004 г.:** масштабное расширение блока и относительно стабильная ситуация в глобальной экономике способствуют укреплению международных позиций ЕС.

2. **2006 и 2009–2010 гг.:** до и после проявления последствий глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. По мнению многих экспертов, именно данное мировое событие стало первым серьезным испытанием для ЕС (Лицарева, 2012; Lavery, 2023) и послужило «катализатором перманентного кризиса» в блоке (Сергеев и Воротников, 2023).

3. **2014–2016 гг.:** период после начала украинского кризиса в 2014 г. Помимо экономических последствий, данное событие способствовало: 1) консолидации ЕС и США в условиях конфронтации с Россией, выраженной в углублении их политического и торгового партнерства; 2) «свертыванию практического сотрудничества России и ЕС и взаимной санкционной войне», которая оказала сильное негативное влияние на торговые связи и, как следствие, международные экономические позиции ЕС (Арбатова и Кокеев, 2016, с. 7). Так, по данным Евростата за 2013 г., Россия была главным поставщиком природного газа (в сжиженном и газообразном состоянии), сырой нефти, нефтяного масла и жидких углеводородов в Евросоюз¹⁹. В ходе украинских событий Еврокомиссия приняла ряд мер по сокращению зависимости от поставок российских энергоносителей, а также ввела запрет на про-

¹⁸ IPSNC. Tae Hyun Kim, председатель IPSNC, о IPSNC и рейтинге национальной конкурентоспособности. URL: <https://www.ipsncr.org/greetings> (дата обращения: 24.04.2024).

¹⁹ На долю России в 2013 г. приходилось порядка 41 % всего европейского импорта природного газа (в сниженном и газообразном состоянии) и 33 % сырой нефти, нефтяного масла и жидких углеводородов. При этом общая стоимость импорта сырой нефти в ЕС в 2013 г. составила 295 млрд евро (73 % от всего импорта энергоносителей), а природного газа в газообразном состоянии — 73,4 млрд евро, или 18 % всего импорта энергоносителей; Eurostat: Statistics explained. Archive: Trade in energy products. Statistical analysis of EU trade in energy products, with focus on trade with the Russian Federation. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Trade_in_energy_products (дата обращения: 09.05.2024).

дажу технологий «двойного назначения», необходимых для разведки нефтяных и газовых месторождений. Согласно информации, представленной в докладе Европейского парламента, в 2014 г. экономические потери ЕС от введенных против России санкций, включая, в первую очередь, указанные, а также российских ответных мер составили 0,3 % от ВВП Евросоюза, а в 2015 г. — 0,4 % (40 и 50 млрд евро соответственно)²⁰. Исследователи Австрийского института экономических исследований (WIFO) пришли к выводу, что ухудшения российско-европейских торговых отношений в 2014 г. привели к потерям для блока 34 млрд евро и 0,9 млн рабочих мест²¹.

4. **2018 и 2019 гг.:** до начала пандемии коронавируса COVID-19 и избрания нового состава Еврокомиссии.

Для начала рассмотрим результаты рейтинга ВЭФ. США стабильно занимают лидирующие позиции, незначительно обгоняя Германию, затем следует Франция, а Италия демонстрирует самые слабые показатели (см. рис. 1). Необходимо отметить, что в рамках исследуемого периода КНР систематически уступает Германии, Франции и США, опережая только Италию, показывая при этом продолжительную отрицательную динамику и постепенно опускаясь в рейтинге с 24-го на 28-е место.

Некоторые эксперты объясняют это предвзятым отношением составителей рейтинга к государствам, которые не являются активными сторонниками неолиберального миропорядка (Bergsteiner and Avery, 2019). Кроме того, важно принимать во внимание субъективность данных опросов руководителей компаний, которые являются значимой частью определения позиции страны в рейтинге. К такому выводу пришли эксперты Межамериканского банка развития, анализируя надежность оценок конкурентоспособности ВЭФ на примере Латиноамериканских стран (Vega and Rendon, 2022). С одной стороны, восприятие опрашиваемых инвесторов и предпринимателей зачастую подвержено влиянию человеческого фактора, включая личные предпочтения, стереотипное мышление и низкий уровень понимания местных деловых обычаев. С другой стороны, выборка опрашиваемых компаний может быть нерепрезентативной, что связано с целым рядом факторов, включая ограниченный доступ экспертов, разрабатывающих рейтинг, к информации о функционировании внутреннего рынка Китая и предвзятость при выборе опрашиваемых компаний. Таким образом, в отношении КНР более объективную картину можно получить, исследуя рейтинги IMD и IPS.

Переходя к рейтингу Международного института развития менеджмента, в сравнении с показателями ВЭФ можно заметить отсутствие значительной положительной динамики в показателях стран — членов Евросоюза (см. рис. 2). Например, с 2004 по 2019 г. Франция опустилась с 30-го на 31-е место. На протяжении всего рассматриваемого периода Италия демонстрирует весьма низкие показатели относительно двух других европейских стран. Германия поднялась с 24-го на 17-е место, но в 2019 г. уступила первенство Китаю.

Китай, в свою очередь, показывает стабильный рост индексов, поднявшись с 24-го места в 2014 г. на 14-е место в 2019 г., обогнав все три европейские экономики.

²⁰ European Parliament. *Economic impact on the EU of sanctions over Ukraine conflict*. Briefing. October 2015, p.4. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/d-ru/dv/dru_20151027_07/dru_20151027_07en.pdf (дата обращения: 09.05.2024).

²¹ Ibid., pp. 4-5.

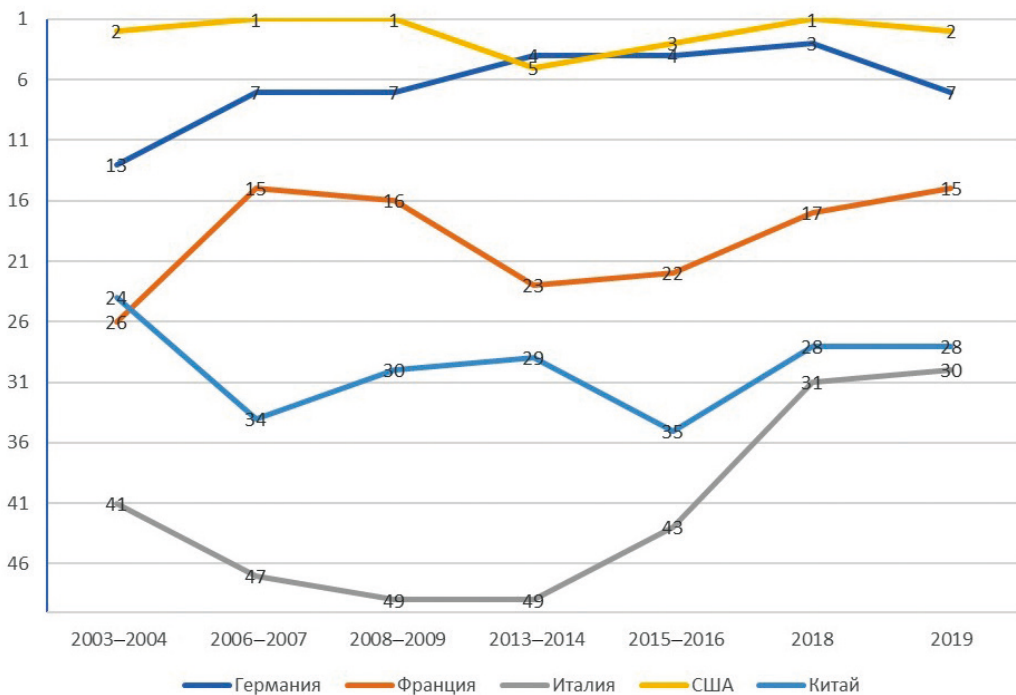


Рис. 1. Индекс Всемирного экономического форума

Составлено по: WEF. (2004) *The Global Competitiveness Report 2003-2004*. URL: <https://www.almendron.com/blog/wp-content/images/2016/11/GLOBAL-COMPETITIVENESS-REPORT-2003-2004.pdf> (дата обращения: 09.05.2024); WEF. (2008) *The Global Competitiveness Report 2008-2009*. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2008-09.pdf (дата обращения: 18.04.2024); WEF. (2013) *The Global Competitiveness Report 2013-2014*. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitiveness-Report_2013-14.pdf (дата обращения: 18.04.2024); WEF. (2015) *The Global Competitiveness Report 2015-2016*. URL: https://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf (дата обращения: 18.04.2024); WEF. (2018) *The Global Competitiveness Report 2018*. URL: <https://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

Наконец, США неизменно занимают передовые позиции, лишь незначительно ухудшив свои результаты в 2019 г. (упав с 1-го места на 3-е).

Аналогичную ситуацию можно проследить и в рейтинге IPS (рис. 3). Из года в год США находятся в лидерах, несмотря на снижение своей позиции (с 1-го на 6-е место) в рамках рассматриваемого периода, а Италия систематически замыкает рейтинг. Значительное снижение демонстрирует Франция — с 14-го места в 2014 г. на 23-е в 2019 г.

На основании проведенного анализа выявлены три фундаментальные закономерности. Во-первых, в каждом из трех рейтингов, невзирая на происходящие глобальные потрясения, лидирующие позиции стабильно занимают США, опережая европейские экономики (за исключением короткого промежутка в индексе ВЭФ, в 2013–2014 гг., когда первое место заняла Германия). С 2004 г., на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняется значительная разница в показателях стран ЕС и США (рис. 2, 3). Таким образом, важная тенденция, установленная в контек-

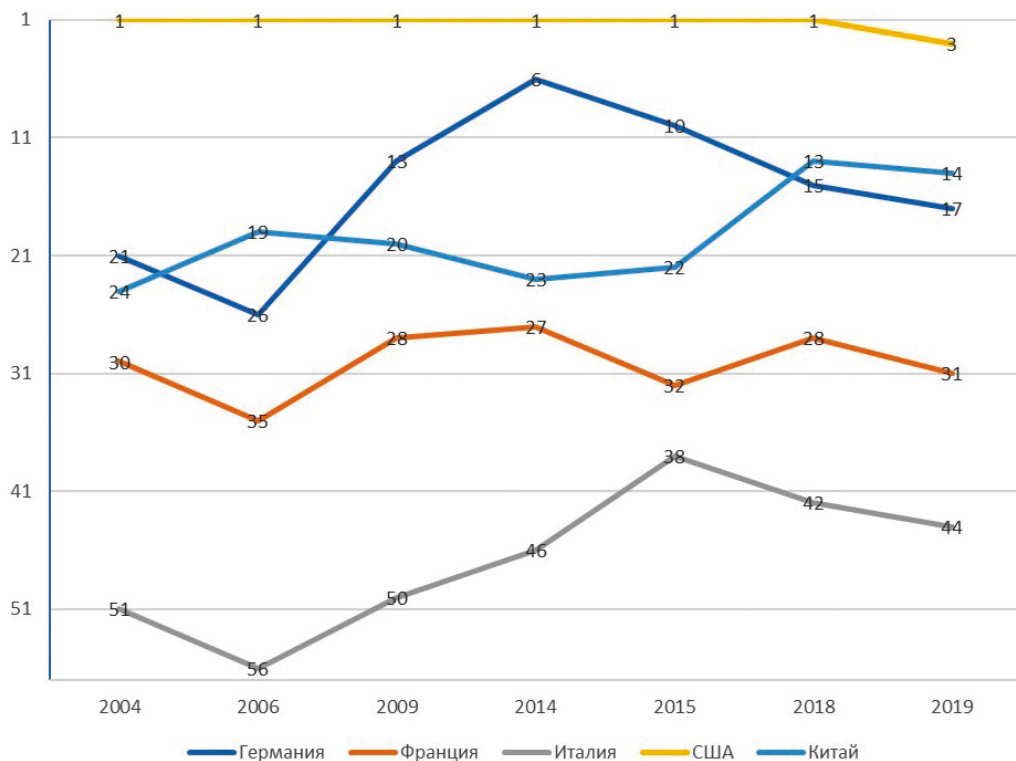


Рис. 2. Рейтинг IMD

Составлено по: IMD World Competitiveness Yearbook. (2004) *The World Competitiveness Scoreboard 2004*. URL: https://wise.co.th/wise/References/World_Competitiveness/World_Competitiveness_Scoreboard_2004.pdf (дата обращения: 18.04.2024); IMD World Competitiveness Yearbook. (2006) *The World Competitiveness Scoreboard 2006*. URL: <https://www.almendron.com/blog/wp-content/images/2006/05/overallgraph.pdf> (дата обращения: 18.04.2024); IMD World Competitiveness Yearbook. (2009) *The World Competitiveness Scoreboard 2009*. URL: https://www.cambragirona.cat/wp-content/uploads/2015/03/items321_1.pdf (дата обращения: 18.04.2024); IMD World Competitiveness Yearbook. (2014) *The World Competitiveness Scoreboard 2014*. URL: https://imd.widen.net/view/pdf/oa7g3wltln/com_may_2014.pdf (дата обращения: 18.04.2024); IMD World Competitiveness Yearbook. (2015) *The World Competitiveness Scoreboard 2015*. URL: https://imd.widen.net/view/pdf/2mk6vf55st/com_may_2015.pdf (дата обращения: 18.04.2024); IMD World Competitiveness Yearbook. (2018) *The World Competitiveness Scoreboard 2018*. URL: https://st-0.akipress.org/st_runews/.storage/runews9/files/bf64b99db5fa2fbc3bda52c46f7a75b5.pdf (дата обращения: 18.04.2024); IMD World Competitiveness Yearbook. (2019) *The World Competitiveness Scoreboard 2019*. URL: https://cedakenticomedia.blob.core.windows.net/cedamediacontainer/kentico/media/researchcataloguedocuments/pdfs/wcy2019-globalranking_ceda.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

сте данного исследования, — неспособность Евросоюза на равных конкурировать с крупнейшей экономикой мира в течение длительного периода времени, начиная с ранних 2000-х годов. Впоследствии, с 2018 г., усиление протекционистской политики со стороны США при администрации Д. Трампа нанесло еще больший урон международной конкурентоспособности блока, сильно ударив по европейским производствам (Кортунов, 2019; Foulon, 2021; Hoekman and Puccio, 2019; Demertzis and Fredriksson, 2018). По оценкам Европейской комиссии, введенные в 2018 г. по-

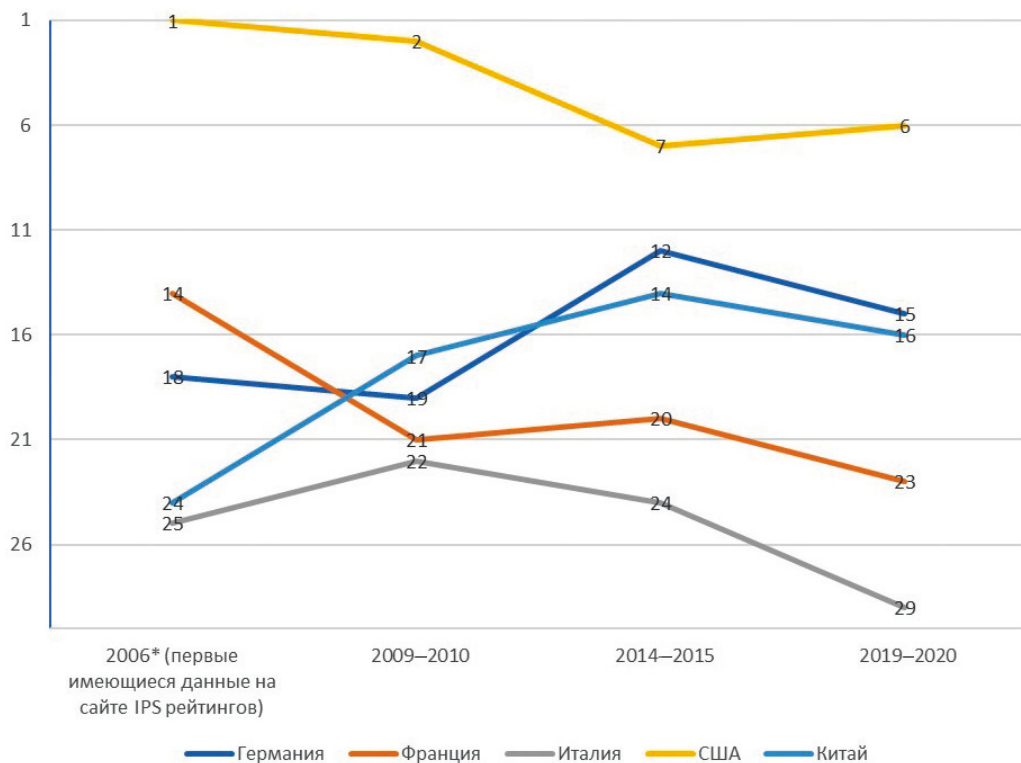


Рис. 3. Рейтинг IPS

Составлено по: Institute for Policy and Strategy on National Competitiveness. IPS. *IPS National Competitiveness Research: World Rankings*. URL: <https://www.ipsncr.org/previous-ranking> (дата обращения: 18.04.2024).

вышенные таможенные пошлины на сталь (25%) и алюминий (10%) затронули европейский экспорт на общую сумму 6,4 млрд евро²².

Во-вторых, наблюдается тенденция к росту показателей конкурентоспособности КНР и укреплению позиций страны относительно европейских экономик, включая уменьшение разрыва с Германией и значительное опережение Франции и Италии. Такая динамика соответствует преобладающему в научных кругах мнению относительно того, что быстрый рост Китая ужесточил промышленную и технологическую конкуренцию для европейских производств (Кортунов, 2019; Ribeiro, 2023; Weinhardt, Mau and Hillebrand Pohl, 2022; Foulon, 2021; Hoekman and Puccio, 2019; Demertzis and Fredriksson, 2018). В 2019 г. данный факт признала Европейская комиссия, официально объявив Китай экономическим и стратегическим конкурентом²³.

²² European Commission. (2023) *EU prolongs tariff suspension for US products related to the steel and aluminium dispute*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6713 (дата обращения: 09.05.2024).

²³ European Commission. (2019) *European Commission and HR/VP contribution to the European Council. EU-China A strategic outlook*. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (дата обращения: 09.05.2024).

В-третьих, выявлено отсутствие стабильной положительной динамики в показателях самих европейских стран. Автор выражает полную солидарность с мнением Н. К. Арбатовой о том, что проблемы внутри блока, неспособность на равных конкурировать с США, а также расширяющаяся экономическая экспансия Китая стимулировали Еврокомиссию к принятию «необходимых мер по превращению ЕС в самостоятельный, полновесный центр силы в экономическом, торговом и политическом планах» (Арбатова, 2021). Фактор международной конкурентоспособности действительно выступает в роли катализатора процесса смены парадигмы в формировании торговой политики ЕС в 2019 г.

2. Делегитимизация неолиберальной экономической парадигмы

Согласно преобладающему в научных кругах мнению, в начале 2000-х годов в политике Евросоюза доминировала неолиберальная экономическая парадигма, которая нашла отражение в таком основополагающем документе, как «Глобальная Европа: конкурируя в мире. Вклад в Стратегию роста и занятости ЕС», утвержденном в 2006 г.²⁴ (Strange, 2015; Ford, 2013; Siles-Brügge, 2013; Orbie and De Ville, 2011). Документ призывал к отказу от протекционизма в пользу обеспечения необходимого «конкурентного давления» для секторов национальной экономики, конкурирующих с импортом, что, по мнению авторов стратегии, способствовало бы стимулированию инновационного роста, обеспечению доступа к новым технологиям и привлечению инвестиций²⁵.

Несмотря на традиционное присутствие в торговой политике протекционистской составляющей²⁶, направленной на защиту национальных производств, в течение многих лет ЕС называли «агентом интеграции», который активно способствовал развитию рыночной экономики как в рамках объединения, так и в контексте глобальной экономики (Di Carlo and Schmitz, 2023). Являясь одним из ключевых игроков на площадке ВТО с момента создания организации в 1995 г., Евросоюз активно участвовал в формировании многостороннего регулирования торговли, выступал инициатором тематических дискуссий по наиболее актуальным вопросам международной торговой повестки. На уровне риторики блок систематически ратовал за развитие открытой, недискриминационной и основанной на правилах ВТО многосторонней торговой системы (МТС) (Van den Hoven, 2004). Действительно, такая позиция нашла отражение во всех официальных документах, распространенных ЕС на площадке ВТО, включая Доклады Еврокомиссии по обзору торговой политики Союза (2000, 2002, 2004, 2007 и 2009 гг.²⁷). В указанных докла-

²⁴ Commission of the European Communities. (2006) *Global Europe: Competing in the World. A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. COM (2006) 567 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁵ Ibid., pp. 4.

²⁶ В первую очередь в сфере сельского хозяйства (Orbie and De Ville, 2011).

²⁷ WTO. (2000) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/G72.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024); WTO. (2002) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/G102.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024); WTO. (2004) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*.

дах говорится о приоритетности принципа многосторонности, приверженности торговой либерализации²⁸ и самопозиционировании блока в качестве «открытой экономики»²⁹ и «движущей силы» Дохийского раунда переговоров³⁰. Секретариат ВТО также неоднократно отмечал ведущую роль Евросоюза в развитии многостороннего регулирования торговли и продвижении фундаментальных принципов ВТО, включая открытость и недискриминацию, на мировой арене³¹.

Однако в 2019 г. глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен официально объявила о кардинальной смене подхода к формированию внешнеэкономического курса³². Как отмечают эксперты, с приходом к власти фон дер Ляйен изменился не только вектор торговой политики Еврокомиссии, но и сама природа европейских ценностей и интересов (Eliasson and Garcia-Duran, 2023; Bassot, 2020). В качестве приоритетов были обозначены необходимость обеспечения промышленной и технологической независимости Союза от третьих стран³³, создание стратегических альянсов с партнерами-единомышленниками и более агрессивная защита европейских интересов, в том числе за счет использования «новых» торговых инструментов³⁴. Если сравнить такую риторику с нарративом начала 2000-х годов, можно отметить произошедшие изменения в позиционировании себя на мировой арене — от Евросоюза как защитника принципов торговой либерализации и честной конкуренции до «ре-фортификации»³⁵ и возрождения европейского лидерства.

Согласно официальной позиции, сформулированной в Докладе Европейской комиссии по обзору торговой политики ЕС от 2021 г., такая трансформация продиктована потрясениями в мировой экономике, которые не только поставили под

URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/G136.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024); WTO. (2007) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/G177.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024); WTO. (2009) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/G214.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024).

²⁸ Например: WTO. (2002) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*, p. 4, para. 3.

²⁹ Например: WTO. (2000) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*, p. 5, para. 4.

³⁰ Например: WTO. (2007) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*, p. 5, para. 2; WTO. (2009) *Trade Policy Review the European Union. Report by the Government*. 2009, p. 5, para. 3.

³¹ WTO. (2007) *Trade Policy Review. Report by the Secretariat European Communities*, p. ix, para. 6. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/S177-00.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024); WTO. (2009) *Trade Policy Review. Report by the Secretariat European Communities. Revision*, p. vii, para. 6. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/TPR/S214R1-00.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.05.2024).

³² “My Commission will not be afraid to speak the language of confidence. But it will be our way, the European way. This is the geopolitical Commission that I have in mind, and that Europe urgently needs” (European Commission. (2019) *Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme*. November 27. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_19_6408 (дата обращения: 18.05.2024).

³³ Подразумевается сокращение зависимости ЕС в первую очередь от Китая и России.

³⁴ European Commission. (2019) *Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme*. November 27.

³⁵ Анализируя внешнеэкономический курс ЕС, Скотт Лавери назвал европейский подход «выборочной ре-фортификацией» (selective refortification) (Lavery, 2023).

вопрос традиционный курс торговой политики, но и вынудили блок «вооружиться инструментами для работы в более враждебной международной среде»³⁶. Таким образом, неолиберальная экономическая парадигма, доминировавшая в формировании внешнеэкономического курса ЕС с начала 2000-х годов, была делегитимизирована пришедшим в 2019 г. новым руководящим составом Еврокомиссии, чья позиция заключалась в том, что в современных реалиях требуется новый подход, способный обеспечить «возрождение Европейской крепости» на мировой арене (Lavery, 2023; Orbie and De Ville, 2020).

3. Появление альтернативной системы идей и стандартов — концепции стратегической автономии

С приходом к власти Урсулы фон дер Ляйен европейский внешнеэкономический курс направлен на достижение «стратегической автономии» блока и обеспечение более агрессивной защиты интересов ЕС. Новый подход формализован в торгово-политической стратегии, утвержденной в феврале 2021 г.³⁷ В 2020 г. Тьерри Бретон, еврокомиссар по внутреннему рынку, дал следующее определение термина «стратегическая автономия»: способность иметь выбор в развитии и обслуживании европейской инфраструктуры, технологий, навыков, компетенций, а также снижать критическую зависимость от третьих стран³⁸. По мнению российских экспертов, новый поход стал «всеобъемлющей стратегией развития ЕС» (Сергеев и Воротников, 2023, с. 26).

Ключевые задачи в рамках новой концепции включают: обеспечение полной независимости ЕС, в первую очередь от поставок из Китая и России; развитие возможностей на равных конкурировать с крупнейшей экономикой мира — США; закрепление статуса блока в качестве глобального экономического, промышленного и технологического лидера. Евросоюз начинает активно реализовывать политику френдшоринга³⁹, устанавливая тесную связь между торговыми и геополитическими отношениями блока с третьими странами. В принятии внешнеэкономических решений начинает превалировать политический фактор. Один из примеров — антироссийский курс ЕС, начатый в 2014 г. По мнению Т. М. Исаченко, санкционные меры, принятые Еврокомиссией в отношении России, были продиктованы в большей степени политическими, а не экономическими соображениями (Исаченко,

³⁶ Eur-lex. (2021) *Trade policy review — An open, sustainable and assertive trade policy. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 03.12.2023).

³⁷ European Commission. (2021) *Commission sets course for an open, sustainable and assertive EU trade policy*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_644 (дата обращения: 13.02.2024).

³⁸ Edr. (2020) *Keynote Speech — Thierry Breton, Commissioner for Internal Market. European Commission*. URL: <https://www.edrmagazine.eu/keynote-speech-thierry-breton-commissioner-for-internal-market-european-commission> (дата обращения: 12.12.2023).

³⁹ Политика френдшоринга (friend-shoring), реализуемая Евросоюзом, предполагает перенаправление экономической деятельности ЕС, включая цепочки добавленной стоимости, в страны, которые разделяют европейские ценности и принципы, таким образом ограничивая сети цепочек поставок до союзников и дружественных стран.

2015). Данное утверждение актуально и сегодня. По подсчетам Министерства иностранных дел Российской Федерации, общие потери ЕС от экономических санкций против России с начала СВО на Украине в 2022 г. достигли порядка 1,5 трлн долл. США⁴⁰.

Кроме того, протекционистская политика Союза становится более агрессивной и разнообразной, что проявляется как в активизации использования традиционных ограничительных мер⁴¹, так и в разработке новых видов протекционизма, включая «зеленый» и цифровой протекционизм. Как справедливо отмечает А. С. Смбалян, в ЕС ведется «поиск все новых способов ограничения доступа конкурентоспособного импорта в обход взятых на себя международных обязательств» (Смбалян, 2020).

4. Продвижение концепции стратегической автономии с 2019 по 2024 г.

Ряд глобальных событий способствовал закреплению новой концепции в формировании внешнеэкономического курса ЕС. В своем выступлении в сентябре 2020 г. глава Евросовета Шарль Мишель подчеркнул, что «европейская стратегическая автономия — это не просто слова. Стратегическая независимость Европы — наш новый общий проект этого столетия», а три ключевые опоры этого проекта — «Зеленая сделка», цифровая повестка и промышленная стратегия⁴².

В рамках рассматриваемого периода пандемия коронавируса COVID-19 стала первым событием международного масштаба, которое было использовано в качестве обоснования необходимости повышения независимости ЕС в экономической, технологической и промышленной сферах, и в первую очередь в сфере производства товаров первой необходимости и жизненно важных лекарств. Так, под эгидой борьбы с пандемией в марте 2020 г. Еврокомиссия представила новое видение промышленной политики, а в мае 2021 г. опубликовала обновленную версию Промышленной стратегии ЕС⁴³, ключевая цель которой заключается в «обеспечении стратегической автономии Союза»⁴⁴ и устранении критической зависимости блока от третьих стран, в первую очередь от Китая⁴⁵. Как отмечают эксперты, именно

⁴⁰ Грушко А. В. (2023) 'МИД РФ заявил, что ЕС потерял из-за санкций против России около \$ 1,5 трлн.' ТАСС. 3 ноября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19191295> (дата обращения: 13.02.2024).

⁴¹ Традиционные меры европейского протекционизма включают таможенные пошлины, квоты, антидемпинговые пошлины и предоставление субсидий отечественным производителям.

⁴² European Council. (2020) *Recovery Plan: powering Europe's strategic autonomy — Speech by President Charles Michel at the Brussels Economic Forum*, September 8. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/08/recovery-plan-powering-europe-s-strategic-autonomy-speech-by-president-charles-michel-at-the-brussels-economic-forum/> (дата обращения: 27.04.2024).

⁴³ European Commission. *European industrial strategy*. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-industrial-strategy_en (дата обращения: 27.04.2024).

⁴⁴ European Commission. (2022) *Commission presents an updated in-depth review of Europe's strategic dependencies*, February 23. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1124 (дата обращения: 27.04.2024).

⁴⁵ Ibid. По оценкам Еврокомиссии, из 5200 проанализированных товаров ЕС находится в «критической зависимости» от иностранных поставщиков 137 «чувствительных товаров» (которые составляют 6 % стоимости всей импортируемой в ЕС продукции). Это сырье, аккумуляторы, активные фармацевтические ингредиенты, чистый водород, полупроводники, а также облачные

коронавирусный кризис стал необходимым предлогом, позволившим Евросоюзу превратить новую концепцию в гибкий всеобъемлющий инструмент, предназначенный для решения широкого спектра задач в сферах внешней и внутренней политики блока, в том числе преодоления негативных социально-экономических последствий COVID-19, разработки нового поколения ИТ-технологий и искусственного интеллекта, решения экологических и миграционных проблем и антикризисного управления (Щербак, 2020; Helwig, 2020).

Начало СВО на Украине придало еще более мощный импульс к обеспечению суверенитета Евросоюза, в первую очередь в энергетической сфере⁴⁶. В марте 2022 г. Еврокомиссия опубликовала План «REPowerEU», направленный на снижение зависимости ЕС от поставок энергоносителей из России до 2030 г., включая снижение спроса на российский газ на две трети до конца 2022 г.⁴⁷ В интервью французской газете *Le Journal du dimanche* глава Евросовета Шарль Мишель назвал энергетический суверенитет блока одной из ключевых опор европейской стратегической автономии⁴⁸. При этом решение отказаться от российских энергоресурсов стоило ЕС порядка 185 млрд евро за период с февраля 2022 г. до конца 2023 г.⁴⁹, а цены на газ в первый год СВО выросли более чем на 1100%⁵⁰. В результате высокая стоимость энергоносителей и нехватка поставок газа способствовали снижению конкурентоспособности ряда наиболее энергоемких отраслей ЕС. В целях смягчения последствий энергетического кризиса Еврокомиссия активизировала переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в рамках «Зеленой сделки». Вопрос обеспечения энергоэффективности и энергетической безопасности стал главной темой саммита ЕС в Версале в 2022 г., по итогам которого был принят ряд чрезвычайных мер, направленных на повышение устойчивости поставок энергоносителей и ускорение внедрения на территории Евросоюза ВИЭ⁵¹.

В свою очередь, отказ от ископаемого топлива и переход на ресурсосберегающие технологии усилили другую опасную тенденцию — чрезмерную зависимость ЕС от поставок критических ресурсов и технологий, включая полупроводники, из Китая. По оценкам Еврокомиссии на КНР приходится 98 % поставок в ЕС редкоземельных элементов, включая 93 % магния и 97 % лития, необходимых, например,

и периферийные технологии. Поставки более чем половины всех указанных категорий товаров приходятся именно на Китай.

⁴⁶ European Commission. (2022) *Statement by President von der Leyen on energy*, September 7. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5389 (дата обращения: 27.04.2024).

⁴⁷ European Commission. (2022) *REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy*, March 8. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_1511 (дата обращения: 27.04.2024).

⁴⁸ *Le Journal du Dimanche*. (2022) *Charles Michel, président du Conseil européen: «Cette guerre en Ukraine doit nous ouvrir les yeux»*. URL: <https://www.lejdd.fr/International/charles-michel-president-du-conseil-europeen-cette-guerre-en-ukraine-doit-nous-ouvrir-les-yeux-4097521> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴⁹ РИА Новости. (2023) *Подсчитано, сколько ЕС переплатил за газ из-за санкций против России*. URL: <https://ria.ru/20231206/gaz-1914015553.html> (дата обращения: 15.01.2024).

⁵⁰ BusinessEurope. (2023) *Reform Barometer. The EU's global competitiveness under threat*. URL: https://www.busineurope.eu/sites/buseur/files/media/reports_and_studies/reform_barometer_2023/2023-05-10_final_10_05_23_reform_barometer_march_2023.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

⁵¹ Интерфакс. (2023) *ЕС продлил три регламента для чрезвычайных ситуаций в энергетике*. URL: <https://www.interfax.ru/world/937663> (дата обращения: 10.03.2024).

для производства постоянных магнитов для ветрогенераторов⁵². В марте 2023 г. Урсула фон дер Ляйен объявила о необходимости проведения политики экономического «дерискинга» в отношении Китая⁵³. В числе официально декларируемых причин — поддержание КНР дружеских отношений с Россией после начала СВО, серьезные нарушения прав человека в провинции Синьцзянь, наращивание военной мощи, а также проведение политики дезинформации и экономического и торгового принуждения. На этом фоне Еврокомиссия принимает ряд мер, обосновывая их необходимостью обеспечения стратегической независимости от китайского импорта. В сентябре 2023 г. вступил в силу Закон о европейских чипах, направленный на укрепление положения Евросоюза на мировом рынке полупроводников и устранение «уязвимостей» в цепочках поставок, а также упрочение блока в качестве мирового лидера по производству полупроводников⁵⁴. В целях увеличения доли ЕС на мировом рынке полупроводников до 20 % к 2030 г. законом предусмотрено привлечение порядка 43 млрд евро государственных и «долгосрочных частных» инвестиций.

На сайте Европарламента в качестве обоснования необходимости внедрения инструмента, предусматривающего правовую основу для оперативного введения контрмер против экономического шантажа, приведен пример китайской политики в отношении Литвы⁵⁵. В соответствии с разработанным Механизмом противодействия экономическому принуждению со стороны третьих стран, официально вступившим в силу в декабре 2023 г.⁵⁶, Еврокомиссия может в одностороннем порядке вводить такие меры, как повышение уровня таможенных пошлин, ограничение либо запрет на доступ услуг и прямых иностранных инвестиций, а также ограничение доступа к государственным закупкам.

Существуют многие другие случаи использования ЕС концепции стратегической автономии в качестве обоснования разрабатываемых и принимаемых мер в сфере торговой политики, соответствие которых существующим многосторонним договоренностям, включая право ВТО, — тема для отдельного исследования. Однако в рамках данной статьи представленных примеров достаточно для выявления и подтверждения основной тенденции: идея о достижении «стратегической автономии» стала полноценной идеологией, лежащей в основе современного европейского внешнеэкономического курса. Другими словами, она «стала общим ин-

⁵² European Commission. (2023) *Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (дата обращения: 13.03.2024).

⁵³ Ibid. Политика дерискинга (de-risking) предполагает снижение стратегической зависимости ЕС от третьих стран, в первую очередь от КНР, причем как в экономической, так и в дипломатической и геополитической сферах.

⁵⁴ European Commission. (2024) *European Chips Act*. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-chips-act_en (дата обращения: 18.01.2024).

⁵⁵ European Parliament. (2023) *Anti-coercion instrument: The EU's new weapon to protect trade*. October 3. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230915STO05214/anti-coercion-instrument-the-eu-s-new-weapon-to-protect-trade> (дата обращения: 27.04.2024).

⁵⁶ European Commission. (2023) *New tool to enable EU to withstand economic coercion enters into force*. December 27. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6804 (дата обращения: 17.01.2024); Еврокомиссия дает следующее определение экономическому принуждению: попытки оказания давления на ЕС или его государства-члены, применяя или угрожая применить меры, влияющие на торговлю или инвестиции.

ституциональным языком для Европейского парламента... а также государств — членов ЕС» (Beaucillon, 2023, p.420) или «официальной доктриной Евросоюза» (Щербак, 2020, с. 33).

Заключение

На основании проведенного анализа по каждому из четырех критериев Орби и де Вилля можно сделать вывод о подтверждении гипотезы автора настоящего исследования о смене парадигмы в формировании торговой политики Европейского союза. Изучение конкурентоспособности ЕС по отношению к США и Китаю в период с 2004 по 2019 г. на примере Германии, Франции и Италии продемонстрировало стабильное первенство США, систематическое сокращение конкурентной дистанции с КНР и отсутствие устойчивой положительной динамики у европейских государств. Продолжительная неспособность блока на равных конкурировать с двумя крупнейшими глобальными экономиками стала катализатором парадигматической трансформации во внешнеэкономическом курсе Евросоюза в пользу концепции стратегической автономии, формализованной Урсулой фон дер Ляйен в 2019 г. Ключевые задачи нового курса — развитие внутренних возможностей Евросоюза и сокращение зависимости от третьих стран, в первую очередь от России и КНР, в таких сферах, как энергетика, критические сырьевые материалы и высокие технологии. Фундаментальная цель — «возрождение Европейской крепости»⁵⁷ на мировой арене (Lavery, 2023; Orbie and De Ville, 2020). Ряд глобальных событий с 2019 г., включая пандемию коронавируса COVID-19 и СВО на Украине, способствовал дальнейшему укреплению и продвижению новой концепции, в том числе в сфере международных отношений блока с третьими странами.

Для дальнейшего исследования автору видится необходимым изучение влияния США на происходящие в ЕС изменения. По мнению экспертов, именно США имеют ключевое влияние на развитие европейского внешнеэкономического курса (Кортунов, 2019; Foulon, 2021; Demertzis and Fredriksson, 2018). Возрастающая роль американского фактора в принимаемых решениях, зачастую в ущерб европейским экономическим интересам, ставит под вопрос беспрекословное исполнение Евросоюзом задачи по обеспечению стратегической автономии блока от третьих стран.

Такие изменения в политике, проводимой крупнейшими экономиками мира, имеют долгоиграющие последствия для глобальной экономики и всех ее участников, включая Россию. В связи с этим в качестве дальнейшего исследования может выступать изучение влияния новой внешнеэкономической стратегии ЕС на развитие дискуссий о регулировании торговли на площадке ВТО, в том числе по следующим вопросам: регулирование промышленных субсидий; зеленая повестка, включая обсуждение европейского пограничного корректирующего углеродного механизма (ПКУМ); сельскохозяйственная повестка и регулирование электронной коммерции. Детальное изучение требуется в целях формирования российской переговорной позиции в ВТО по всем перечисленным направлениям. Вместе с тем целесообразным представляется изучение возможностей потенциального выстра-

⁵⁷ «Возрождение Европейской крепости» подразумевает укрепление статуса блока в качестве глобального экономического, торгового и технологического лидера, а также восстановление возможностей ЕС позиционировать себя как полноценного конкурента США и Китая.

ивания российско-европейских торгово-экономических отношений в долгосрочной перспективе с учетом нового курса торговой политики ЕС и при обязательном условии снятия в отношении России беспрецедентных односторонних санкционных мер.

Литература

- Арбатова, Н. К. (2021) 'Нужна ли Европе стратегическая автономия?', *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/world/768874> (дата обращения: 20.05.2024).
- Арбатова, Н. К. и Кокеев, А. М. (ред.) (2016) *Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты)*. М.: Ин-т мир. экон. и междунар. отношений им. Е. М. Примакова РАН.
- Гордеев, В. А. и Шкиотов, С. В. (ред.) (2009) *Национальная конкурентоспособность в условиях глобализации*. Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. техн. ун-та.
- Исаченко, Т. М. (2015) 'Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 3, с. 46–64.
- Исаченко, Т. М. (2010) *Торговая политика Европейского Союза*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Кортунов, А. В. (2019) 'Под перекрестным огнем: торговая политика ЕС в контексте американо-китайского противостояния', *Российский совет по международным делам*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pod-perekrestnym-ognem-torgovaya-politika-es-v-kontekste-amerikano-kitayskogo-protivostoyaniya/?sphrase_id=103517834 (дата обращения: 20.05.2024).
- Лицарева, Е. Ю. (2012) 'Позиции стран ЕС в отношении выхода из экономического кризиса 2008 г.', *Вестник Томского государственного университета*, 365, с. 69–76.
- Мезинова, И. А. (2018) 'Международная конкурентоспособность России: концептуальные основы и новые стратегические подходы', *Научные труды Вольного экономического общества России*, 4, с. 411–412.
- Сергеев, Е. А. и Воротников, В. В. (2023) *Стратегия Европейского союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия?* М.: Изд-во МГИМО-Университет.
- Смбатян, А. С. (2020) 'Новеллы антидемпинговой политики ЕС в свете правил ВТО', *Российский внешнеэкономический вестник*, 11, с. 16–35.
- Тихонова, К. А., Монин, И. Г. и Данилов, С. С. (2019) 'Анализ рейтинга глобальной конкурентоспособности России', *Экономика и бизнес: теория и практика*, 12-3, с. 98–100.
- Чудаев, А. В. (2009) 'Повышение конкурентоспособности и развитие ключевых ценностей крупного производственного комплекса при использовании системы сбалансированных показателей', *Транспортное дело России*, 3, с. 18–22.
- Щербак, И. Н. (2020) 'Стратегическая автономия ЕС и проблемы формирования внешнеполитической повестки в эпоху пандемии', *Современная Европа*, 6, с. 29–40.
- Энтина, Е. Г. и Давранова, С. Б. (2022) 'Позиции Европейского парламента по торговым соглашениям «второго поколения»', *Современная Европа*, 7 (114), с. 17–29.
- Bassot, É. (2020) 'The von der Leyen Commission's priorities for 2019–2024', *European Parliament*. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI\(2020\)646148_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI(2020)646148_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2024).
- Beaucillon, C. (2023) 'Strategic Autonomy: A New Identity for the EU as a Global Actor', *European Papers: A Journal on Law and Integration*, 8 (2), pp. 417–428.
- Bergsteiner, H. and Avery, G. C. (2019) 'Misleading Country Rankings Perpetuate Destructive Business Practices', *Journal of Business Ethics*, 159 (4), pp. 863–881.
- Carson, M., Burns, T. R. and Calvo, D. (eds) (2009) *Paradigms in Public Policy: Theory and Practice of Paradigm Shifts in the EU*. Frankfurt: Peter Lang.
- Demertzis, M. and Fredriksson, G. (2018) 'The EU Response to US Trade Tariffs', *Intereconomics. Review of European Economic Policy*, 53 (5), pp. 260–268.
- Di Carlo, D. and Schmitz, L. (2023) 'Europe first? The rise of EU industrial policy promoting and protecting the single market', *Journal of European Public Policy*, 30 (10), pp. 2063–2096.
- Eliasson, L. J. and Garcia-Duran, P. (2023) 'New is old? The EU's Open, Sustainable and Assertive Trade Policy', *Global Policy*, 14 (S3), pp. 9–18.

- Ford, L. (2013) 'EU Trade Governance and Policy: A Critical Perspective', *Journal of Contemporary European Research*, 9 (4), pp. 578–596.
- Foulon, M. (2021) 'Turbulent Trade: Europe and the Biden Challenge', *Policy Perspectives*, 9/1, pp. 1–4.
- Ginevičius, R., Žemaitis, E., Šuhajda, K. and Schieg, M. (2023) 'Assessing the global competitiveness of European countries', *Journal of Competitiveness*, 15 (4), pp. 36–52.
- Hall, P. A. (1993) 'Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain', *Comparative Politics*, 25 (3), pp. 275–296.
- Helwig, N. (2020) 'EU strategic autonomy: A reality check for Europe's global agenda', *FIIA Working Paper*, 119. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2020/10/wp119_strategic_autonomy-2.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
- Hoekman, B. and Puccio, L. (2019) 'EU trade policy: Challenges and opportunities', *RSCAS Policy Paper*, 6. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/61589/RSCAS%20PP%202019_06.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 20.05.2024).
- Lavery, S. (2023) 'Rebuilding the fortress? Europe in a changing world economy', *Review of International Political Economy*, 31 (1). URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09692290.2023.2211281?src=recsys> (дата обращения: 20.05.2024).
- Orbie, J. and De Ville, F. (2020) 'Impact of the corona crisis on EU trade policy: Our five cents to the debate', *Policy Brief No. 2*. URL: https://www.researchgate.net/publication/340807720_Impact_of_the_corona_crisis_on_EU_trade_policy_Our_five_cents_to_the_debate (дата обращения: 20.05.2024).
- Orbie, J. and De Ville, F. (2011) 'The European Union's Trade Policy Response to the Crisis: Paradigm Lost or Reinforced?', *European Integration Online Papers*, 15 (04), Article 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/227430805_The_European_Union's_Trade_Policy_Response_to_the_Crisis_Paradigm_Lost_or_Reinforced (дата обращения: 20.05.2024).
- Ribeiro, G. C. (2023) 'Geoeconomic Awakening: The European Union's Trade and Investment Policy Shift toward Open Strategic Autonomy', *EU Diplomacy Paper 3/2023. College of Europe. Department of EU International Relations and Diplomacy Studies*. URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/EDP%203%202023_%20Castro%20Ribeiro.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
- Schmucker, C. and Kober, K. (2023) 'A Turning Point for EU Trade Policy After the Russian Aggression?', *Italian Institute for International Studies*. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/a-turning-point-for-eu-trade-policy-after-the-russian-aggression-116776> (дата обращения: 20.05.2024).
- Siles-Brügge, G. (2013) 'The Power of Economic Ideas: A Constructivist Political Economy of EU Trade Policy', *Journal of Contemporary European Research*, 9 (4), pp. 597–617.
- Strange, M. (2015) 'Power in global trade governance: Is the EU a unitary actor, a tool for dominance, or a site of contestation? GATS and the TTIP negotiations', *International Journal of Public Administration*, 38 (12), pp. 884–894.
- Van den Hoven, A. (2004) 'Assuming Leadership in Multilateral Economic Institutions: The EU's "Development Round" Discourse and Strategy', *West European Politics*, 27 (2), pp. 256–283.
- Vera, C. P. and Rendon, S. (2022) 'Is the Global Competitiveness Index by the World Economic Forum a reliable tool for the design of labor market policies? Evidence from Latin American countries', *IZA Journal of Labor Policy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/365180593_Is_the_Global_Competitiveness_Index_by_the_World_Economic_Forum_a_reliable_tool_for_the_design_of_labor_market_policies_Evidence_from_Latin_American_countries (дата обращения: 20.05.2024).
- Weinhardt, C., Mau, K. and Hillebrand Pohl, J. (2022) 'The EU as a Geoeconomic Actor? A Review of Recent European Trade and Investment Policies', in Babić, M., Dixon, A. D. and Liu, I. T. (eds) *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 107–136.
- Young, A. R. and Peterson, J. (2014) *Parochial Global Europe: 21st Century Trade Politics*. Oxford: Oxford Academic. URL: <https://academic.oup.com/book/8237> (дата обращения: 20.05.2024).

Статья поступила в редакцию: 22.05.2024
Статья рекомендована к печати: 19.09.2024

Контактная информация:

Мочалова Александра Игоревна — аспирант; <https://orcid.org/0009-0005-1528-7635>,
amochalova@wto.ru

A new paradigm in trade policy making of the European Union

A. I. Mochalova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Mochalova, A. I. (2024) 'A new paradigm in trade policy making of the European Union', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 40 (4), pp. 528–550.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.401> (In Russian)

The article examines practical changes in the approaches of the EU to the formation of its' trade policy between 2004 and 2024. The author formulates a hypothesis about a paradigm shift in the formation of the EU's foreign economic policy. Testing of this hypothesis is carried out on the basis of four criteria established by J. Orbie and F. De Ville: 1) emergence of a catalyst for such a change; 2) delegitimization of the existing paradigm by government officials; 3) availability of an alternative concept; 4) its support from influential circles. Based on the analysis, it is concluded that a paradigm shift has occurred — from the neoliberal economic, which prevailed in the EU in the early 2000s, towards "strategic autonomy", which was formalized in 2019 by the new head of the European Commission Ursula von der Leyen. A long-term absence of positive dynamics in the development of the bloc's international competitiveness relative to its' key trading partners — the US and China — was determined as the main prerequisite for such a transformation. A general trend towards increased promotion of the new concept by the EU officials after 2019 and, especially, after the start of a special military operation in Ukraine in 2022, has been identified. In conclusion, the author identifies areas for future research, including the study of the impact of the EU's strategic autonomy paradigm on international trade processes and the development of multilateral trade regulation, in order to ensure a more effective Russia's response to the ongoing changes.

Keywords: European Union, foreign economic activity, trade policy, international competitiveness, strategic autonomy, protectionism.

References

- Arbatova, N. K. (2021) 'Does Europe need strategic autonomy?', *Interfax*. Available at: <https://www.interfax.ru/world/768874> (accessed: 20.05.2024). (In Russian)
- Arbatova, N. K. and Kokeev, A. M. (eds) (2016) *European Union at the Crossroads: Unresolved Problems and New Challenges (political aspects)*. Moscow, Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii imeni E. M. Primakova RAN Publ. (In Russian)
- Bassot, É. (2020) 'The von der Leyen Commission's priorities for 2019–2024'. *European Parliament*. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI\(2020\)646148_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/646148/EPRS_BRI(2020)646148_EN.pdf) (accessed: 20.05.2024).
- Beaucillon, C. (2023) 'Strategic Autonomy: A New Identity for the EU as a Global Actor', *European Papers: A Journal on Law and Integration*, 8 (2), pp. 417–428.
- Bergsteiner, H. and Avery, G. C. (2019) 'Misleading Country Rankings Perpetuate Destructive Business Practices', *Journal of Business Ethics*, 159 (4), pp. 863–881.
- Carson, M., Burns, T. R. and Calvo, D. (eds) (2009) *Paradigms in Public Policy: Theory and Practice of Paradigm Shifts in the EU*. Frankfurt: Peter Lang.
- Chudaev, A. V. (2009) 'Increase in competitiveness and development of key values of a large industrial complex at use of balanced scorecard', *Transportnoe delo Rossii*, 3, pp. 18–22. (In Russian)
- Demertzis, M. and Fredriksson, G. (2018) 'The EU Response to US Trade Tariffs', *Intereconomics. Review of European Economic Policy*, 53 (5), pp. 260–268.
- Di Carlo, D. and Schmitz, L. (2023) 'Europe first? The rise of EU industrial policy promoting and protecting the single market', *Journal of European Public Policy*, 30 (10), pp. 2063–2096.
- Eliasson, L. J. and Garcia-Duran, P. (2023) 'New is old? The EU's Open, Sustainable and Assertive Trade Policy', *Global Policy*, 14 (S3), pp. 9–18.

- Entina, E. G. and Davronova, S. B. (2022) 'The European Parliament's stance on "new generation" trade agreements', *Sovremennaiia Evropa*, 7 (114), pp. 17–29. (In Russian)
- Ford, L. (2013) 'EU Trade Governance and Policy: A Critical Perspective', *Journal of Contemporary European Research*, 9 (4), pp. 578–596.
- Foulon, M. (2021) 'Turbulent Trade: Europe and the Biden Challenge', *Policy Perspectives*, 9/1, pp. 1–4.
- Ginevičius, R., Žemaitis, E., Šuhajda, K. and Schieg, M. (2023) 'Assessing the global competitiveness of European countries', *Journal of Competitiveness*, 15 (4), pp. 36–52.
- Gordeev, V. A. and Shkiotov, S. V. (eds) (2009) *National competitiveness in the context of globalization*. Yaroslavl: Izdatel'stvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Hall, P. A. (1993) 'Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain', *Comparative Politics*, 25 (3), pp. 275–296.
- Helwig, N. (2020) 'EU strategic autonomy: A reality check for Europe's global agenda', *FIIA Working Paper*, 119. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2020/10/wp119_strategic_autonomy-2.pdf (accessed: 20.05.2024).
- Hoekman, B. and Puccio, L. (2019) 'EU trade policy: Challenges and opportunities', *RSCAS Policy Paper*, 6. Available at: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/61589/RSCAS%20PP%202019_06.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 20.05.2024).
- Isachenko, T. M. (2010) *Trade policy of the European Union*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
- Isachenko, T. M. (2015) 'Economic diplomacy in political crisis', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3, pp. 46–64. (In Russian)
- Kortunov, A. V. (2019) 'Under the crossfire: EU trade policy in the context of the US–China confrontation', *Russian Council on International Affairs*. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pod-perekrestnym-ognem-torgovaya-politika-es-v-kontekste-amerikano-kitayskogo-protivostoyaniya/?sphrase_id=103517834 (accessed: 20.05.2024). (In Russian)
- Lavery, S. (2023) 'Rebuilding the fortress? Europe in a changing world economy', *Review of International Political Economy*, 31 (1). Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09692290.2023.2211281?src=recsys> (accessed: 20.05.2024).
- Litsareva, E. Yu. (2012) 'Positions of the countries of the European Community with respect to the recovery after 2008 economic crisis', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 365, pp. 69–76. (In Russian)
- Mezinova, I. A. (2018) 'Global competitiveness of Russia: Conceptual frameworks and new strategic approaches', *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 4, pp. 411–412. (In Russian)
- Orbie, J. and De Ville, F. (2020) 'Impact of the corona crisis on EU trade policy: Our five cents to the debate', *Policy Brief No. 2*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340807720_Impact_of_the_corona_crisis_on_EU_trade_policy_Our_five_cents_to_the_debate (accessed: 20.05.2024).
- Orbie, J. and De Ville, F. (2011) 'The European Union's Trade Policy Response to the Crisis: Paradigm Lost or Reinforced?', *European Integration Online Papers*, 15 (04), Article 2. Available at: https://www.researchgate.net/publication/227430805_The_European_Union's_Trade_Policy_Response_to_the_Crisis_Paradigm_Lost_or_Reinforced (accessed: 20.05.2024).
- Ribeiro, G. C. (2023) 'Goeconomic Awakening: The European Union's Trade and Investment Policy Shift toward Open Strategic Autonomy', *EU Diplomacy Paper 3/2023*. *College of Europe. Department of EU International Relations and Diplomacy Studies*. Available at: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/EDP%203%202023_%20Castro%20Ribeiro.pdf (accessed: 20.05.2024).
- Schmucker, C. and Kober, K. (2023) 'A Turning Point for EU Trade Policy After the Russian Aggression?', *Italian Institute for International Studies*. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/a-turning-point-for-eu-trade-policy-after-the-russian-aggression-116776> (accessed: 20.05.2024).
- Sergeev, E. A. and Vorotnikov, V. V. (2023) *Strategy of the European Union in the context of global restructuring: autonomy or euthanasia?* Moscow: MGIMO-Universitet Publ. (In Russian)
- Shcherbak, I. N. (2020) 'Strategic autonomy of the EU and problems of formation of the foreign policy agenda in the time of the pandemic', *Sovremennaiia Evropa*, 6, pp. 29–40. (In Russian)
- Siles-Brügge, G. (2013) 'The Power of Economic Ideas: A Constructivist Political Economy of EU Trade Policy', *Journal of Contemporary European Research*, 9 (4), pp. 597–617.
- Smbatyan, A. S. (2020) 'Novelties in EU Anti-Dumping policy and WTO Rules', *Russian Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik*, 11, pp. 16–25. (In Russian)
- Strange, M. (2015) 'Power in global trade governance: Is the EU a unitary actor, a tool for dominance, or a site of contestation? GATS and the TTIP negotiations', *International Journal of Public Administration*, 38 (12), pp. 884–894.

- Tikhonova, K. A., Monin, I. G. and Danilov, S. S. (2019) 'Analysis of the rating of global competitiveness of Russia', *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 12-3, pp. 98–100. (In Russian)
- Van den Hoven, A. (2004) 'Assuming Leadership in Multilateral Economic Institutions: The EU's "Development Round" Discourse and Strategy', *West European Politics*, 27 (2), pp. 256–283.
- Vera, C. P. and Rendon, S. (2022) 'Is the Global Competitiveness Index by the World Economic Forum a reliable tool for the design of labor market policies? Evidence from Latin American countries', *IZA Journal of Labor Policy*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/365180593_Is_the_Global_Competitiveness_Index_by_the_World_Economic_Forum_a_reliable_tool_for_the_design_of_labor_market_policies_Evidence_from_Latin_American_countries (accessed: 20.05.2024).
- Weinhardt, C., Mau, K. and Hillebrand Pohl, J. (2022) 'The EU as a Geoeconomic Actor? A Review of Recent European Trade and Investment Policies', in Babić, M., Dixon, A. D. and Liu, I. T. (eds) *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 107–136.
- Young, A. R. and Peterson, J. (2014) *Parochial Global Europe: 21st Century Trade Politics*. Oxford: Oxford Academic. Available at: <https://academic.oup.com/book/8237> (accessed: 20.05.2024).

Received: 22.05.2024

Accepted: 19.09.2024

Author's information:

Alexandra I. Mochalova — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0009-0005-1528-7635>,
amochalova@wto.ru